

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-1-74-84

УДК(UDC) 371.39

***Pustovoit Igor V.,
Hofstra University, New York, USA***

***Пустовойт Игорь В.,
Университет Хофстра, Нью Йорк, США***

***For citation: Pustovoit Igor V., (2022).
Parameters of the language shift and teaching Russian in the US.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 1 (2022), pp. 74-84 (in USA)***

Manuscript received: 11/01/2022

Accepted for publication: 28/03/2022

The authors have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

PARAMETERS OF THE LANGUAGE SHIFT AND TEACHING RUSSIAN IN THE US

ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА И ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В США

Abstract:

The article examines the problems of teaching the Russian language in American universities from the point of view of heritage learners coming from Russian-speaking immigrant families. This group is attracting increasing attention from researchers in the context of growing crisis in the teaching of foreign languages in the United States. Having acquired the Russian language in the conditions of language shift in the immigrant community, such students have limited register of language opportunities, but retain an internal connection with the culture and the language. In addition to the linguistic aspects of bilingualism, the article investigates the sociological and psychological features of this target group.

Keywords: language shift, bilingualism, heritage learners, extra-linguistic factors, linguistic variation, language games, teaching Russian as a foreign language

Аннотация:

Статья рассматривает проблемы преподавания русского языка в американских вузах с точки зрения изучающих свое наследие выходцев из русскоязычных семей иммигрантов. Данная группа привлекает все большее внимание со стороны исследователей в условиях усиливающегося кризиса в преподавании иностранных языков в США. Усвоив русский язык в условиях языкового сдвига в иммигрантской среде, такие студенты обладают ограниченным регистром языковых возможностей, но сохраняют внутреннюю связь с культурой и языком. Помимо лингвистических аспектов двуязычия, в статье рассматриваются социологические и психологические особенности данной целевой группы.

Ключевые слова: языковой сдвиг, двуязычие, изучающие наследие, экстралингвистические факторы, языковое варьирование, языковая игра, преподавание РКИ

Введение: постановка проблемы

Русскоязычная диаспора США представляет особый интерес для исследователей в силу своей многочисленности и неоднородности. В строгом смысле слова, диаспорой данная группа не является, поскольку при ближайшем рассмотрении распадается на многочисленные подгруппы, объединенные лишь своим знанием русского языка. Сложность социально обусловленных процессов, влияющих на развитие и функционирование русского языка в современном мире, проявляется в сосуществовании и взаимодействии, казалось бы, взаимоисключающих тенденций. На пост-советском пространстве наиболее ощутимы центробежные тенденции, которые выражаются в возрастающем региональном варьировании. Однако, при рассмотрении русскоязычного зарубежья вырисовывается совершенно иная картина: тут наиболее ощутим центростремительный процесс, при котором различные этнические группы объединяются исключительно на основе своей русскоязычности. С момента распада Советского Союза число жителей США, заявляющих о своем русском происхождении выросло примерно в четыре раза, до трех миллионов человек. При этом лишь четверть из них считает русский язык своим родным, и ни религиозные, ни этнические компоненты самоидентификации не позволяют говорить о гомогенности данной группы [1].

Кроме того, данное «содружество независимых иммигрантов» [2] оказывается на пересечении двух мировых языков: русского и английского. Роль последнего как *lingua franca* в современном мире общепризнана. Однако, вектор прямого воздействия английского в иммигрантской среде и вектор воздействия английского посредством Интернета и СМИ в русскоязычных странах далеко не всегда взаимонаправлены, в первую очередь потому, что обслуживают разные сферы деятельности [3]. На русскоязычном пространстве заимствование из английского лишь вызывает раздражение, особенно у языковых пуристов, но не несет структурной угрозы, в отличие от зарубежья, где закономерным становится процесс языкового сдвига, который можно определить, как постепенный или внезапный переход с использования одного языка на другой [4].

Вполне естественно, что большинство иммигрантов первого поколения на всю жизнь сохраняют свою культурно-национальную идентичность. Однако, как обстоит дело с представителями второго поколения, которые родились или выросли в США? Для детей иммигрантов с пост-советского пространства этатическая (государственная) идентичность очевидна: рожденный в США имеет полное право считать себя американцем. Даже факт рождения в другой стране, отмеченный в американском паспорте, рассматривается как угроза идентичности, и многие участники опросов упоминают об этом неохотно, переключая внимание на количество лет в стране, образование, свободное владение английским, связи вне этнической группы, будь то американские друзья, родственники, и т.д., поскольку «каждый человек, как правило, идентифицирует себя с несколькими группами и общностями, причем такие идентификации могут со временем меняться в силу изменившихся жизненных условий, предпочтений» [5]. Преференции - понятие сугубо субъективное. Именно поэтому, официальные попытки контролировать национальную идентификацию «сверху вниз», как правило, наталкиваются на противодействие «снизу-вверх».

В США подобное давление сверху весьма незначительно. Многие из проживающих в стране на легальных основаниях так никогда и не подают документы на гражданство. Статус государственного за английским не закреплен и на федеральном уровне даже не

обсуждается. Таким образом, наличие многочисленных случаев смешанной самоидентификации, как например «русский американец», объясняется не противодействием официальному давлению, а свободным выбором каждого индивидуума. Что же заставляет людей искать дополнительные критерии самоидентификации? В чем заключается «русскость» и противоречит ли она «американскости»? Эти вопросы представляют бóльший интерес для исследователей, чем для субъектов анализа, поскольку рациональное объяснение их внутренних предпочтений, как и любого эмоционального состояния, не имеет для них особого значения и не нуждается в законченных формулировках. По этой же причине трудно полагаться на статистические данные, основанные на самооценке респондентов.

Выходцы с пост-советского пространства в большинстве своем не испытывают трудностей с визуальной адаптацией, характерной для выходцев из других регионов мира. Семейные связи, безусловно, имеют решающее значение в формировании смешанной идентичности, и определение «русский» добавляется к «американец» как дань уважения к семейной истории. В отличие от русского, в английском языке и *Russian*, и *American* – семантически равноправные имена прилагательные, и определение воспринимается скорее, как эллиптическое «русский американский». При этом такие, казалось бы, существенные факторы, как знание языка, истории и культуры исконной страны оказываются второстепенными.

Обретение американскости, стремление слиться с целевой группой, «быть как все», безусловно находится в числе главных приоритетов для иммигрантов, и владение английским становится главным камнем преткновения. Но то, что зачастую недостижимо для прибывших в страну в зрелом возрасте, не представляет сложности для их детей, выросших в США. Для выросших в условиях билингвизма существует четкая функциональная дистрибуция: русский язык – это язык семьи, и семейная динамика определяет уровень владения русским.

Несмотря на всю сложность анализа сферы восприятия других социологических групп, где статистические данные входят в конфликт с бытующими мнениями, можно утверждать, что представители русскоязычной среды в США имеют репутацию людей с высоким образовательным уровнем, а главное, престиж высшего образования играет для них неоспоримую роль. Данная статья представляет собой попытку обобщить тридцатилетний опыт преподавания русского языка в американских университетах в условиях непосредственной близости самого крупного сосредоточения русскоговорящего населения в США – города Нью Йорка, и рассмотреть вопросы языкового сдвига на примере университетских студентов-выходцев из русскоязычной среды.

Теория: языковой сдвиг и изучающие наследие

При описании функциональной ограниченности того или иного языка в условиях непосредственного языкового контакта налицо определенная терминологическая путаница. Исследователи используют такие термины, как языковая смерть, языковой сдвиг, аттриция, эрозия, регрессия, утрата языка, или его разрушение. Некоторые из терминов дублируют друг друга, другие же относятся к явлениям разных уровней. Оставив в стороне изучение языковых патологий, с лингвистической точки зрения эмигрантская среда наглядно демонстрирует процесс эрозии компетенций в родном или хорошо освоенном языке по мере развития навыков общения на языке окружения.

Драматичный термин *языковая смерть* неоднократно подвергался критике, поскольку применим скорее к языку в целом, чем к конкретному носителю или к языковой группе. Стремясь сохранить эффектную метафору, исследователи предлагают понятие *постепенная языковая смерть*, т.е. градуальный процесс утраты языка [6].

Однако, в этом случае исследователь заранее предсказывает смерть языка, хотя этого еще не произошло. В отличие от отдельно взятого носителя языка, в отношении языка в целом сложно точно установить пределы жизни и смерти, и само значение этих понятий не всегда применительно к социальным и культурным явлениям. Исследователи и члены языкового сообщества могут оценивать степень сохранности языка по-разному. Можно принять за точку невозврата смерть последнего носителя языка, но наличие так называемых *спящих языков* [7], как например, иврит, латынь, или церковнославянский, позволяет говорить о том, что в лингвистическом мире есть жизнь после смерти. Более того, русский язык ни при каких условиях нельзя назвать ни исчезающим языком, ни даже *языком под угрозой* [8]. Это язык, на котором говорят миллионы людей, как в России, так и за ее пределами, и его роль языка международного общения - первый признак благополучной ситуации. Д. Кристал использует термин *утрата языка* (language loss) не только по отношению к сообществу, но и по отношению к индивиду, что представляется не совсем корректным [9]. Каждый носитель языка, даже находясь в пределах исконной культуры, может перестать использовать определенную лексику, идиомы, или синтаксические конструкции, которые при определенных условиях могут вернуться в активный запас. В эмигрантской среде речь идет о другом явлении: часть языкового запаса не передается следующему поколению. Чтобы утратить что-либо, нужно им обладать, а дети иммигрантов зачастую усваивают язык выборочно, что преподаватели в быту обозначают, как *кухонный русский*.

Таким образом, в отношении русского языка в США следует сфокусироваться не на мрачных прогнозах, а на лучшем понимании параметров языкового сдвига, понимаемого как отказ от использования бывшего основного языка в отдельно взятом сообществе. Данный термин применим не только к переехавшим в США носителям русского языка, но и к их детям, усвоившим язык в условиях функциональной ограниченности. Языковой сдвиг отличается чрезвычайно высоким уровнем варьирования и зачастую зависит не только от социальных факторов, но и от ситуации в отдельно взятой семье.

Хотя проблема языкового сдвига входит в число языковых универсалий и применима практически к любому языку, оказавшемуся в роли языка меньшинства, именно преподавание русского языка в американских вузах позволило выделить целевую группу *heritage learners* (HL) - изучающих унаследованный язык. В более широком смысле, это изучающие наследие, поскольку язык также содержит культурную информацию. Хотя в данную группу входят все, кто овладел языком меньшинства естественным образом в домашних условиях [10], в последние двадцать лет студенты университетов, изучающие язык наследия стали объектом пристального внимания лингвистов, особенно на фоне общего спада интереса к изучению иностранных языков в американских вузах. Работы И. Дубининой, Е. Земской, О. Каган, Л. Исуриной, М. Полинской, Д. Эндрюса, и др. посвящены рассмотрению лингвистических, социальных, когнитивных и методических основ работы с данной группой учащихся. Появление специализированных учебников русского языка для HL [11, 12] также является индикатором значимости данной проблемы. Вне всякого сомнения, университетские студенты не могут покрыть все многообразие языкового континуума, и тем не менее, эту группу можно считать репрезентативной, поскольку в ней представлено все многообразие языкового варьирования в эмигрантской среде, что и позволяет выделить основные параметры языкового сдвига. Кроме того, двуязычных студентов университетов отличает более высокий уровень самосознания и аналитических способностей, что значительно облегчает работу исследователя.

Данные и Методы

Эмпирические данные, полученные в процессе преподавания русского языка НЛ в американских вузах, в целом подтверждают результаты исследований языка русскоговорящих американцев, опубликованные в последние десятилетия. Аудиторное общение позволяет получать примеры языкового сдвига как из письменной, так и из устной речи. При этом, помимо лингвистической категоризации маркеров языкового сдвига необходима их систематическая контекстуализация. В дополнение к социолингвистическим факторам, такой подход учитывает макро-контекст глобализации, информационной революции, роль современных технологий, а в последние годы - также влияние пандемии на динамику университетского образования.

Лексико-грамматическая интерференция по-прежнему занимает центральное место в исследованиях [13], однако сам термин *интерференция* применим не ко всем случаям, поскольку, как было показано, НЛ нередко создают фразы, отсутствующие в каждом из их языков, что заставляет исследователей рассматривать данное явление с точки зрения лингвистической креативности [14]. Однако креативность языковой игры, свойственная художественной литературе, рекламе и маркетингу, поп-культуре, да и в целом речи лингвистически искушенной части носителей языка, радикально отличается от вынужденной креативности НЛ, прежде всего потому, что у последних отсутствует четкое осознание языковой нормы.

Поскольку составление бесконечных списков заимствований не представляется продуктивным, фокус исследований смещается на описание механизмов и мотиваций. Здесь сразу следует сказать, что попытки представить процесс лексического заимствования исключительно как средство экономии не дают полной картины, даже если экономия понимается в наиболее широком смысле. Действительно, заимствования короче в случае *такс форм* 'налоговая декларация', *кэш* 'наличные', *вэн* 'микроавтобус', *лиз* 'договор аренды', *фрод* 'мошенничество'. В то же время *лоун* не короче, чем *займ*, а *экспириенс* длиннее, чем *опыт (работы)*. Помимо длины соревнующихся лексических единиц, на выбор влияют, с одной стороны, принцип экономии умственных усилий, а с другой – социальный престиж. Именно последний фактор нередко действует в противовес принципу экономии. Вкрапления, типа *Бизи?* 'Занят?' могут быть оправданы только социальным престижем английского, но никак не стремлением к экономии языковых средств или наличием лексической лакуны.

Необходимость заполнения лексических лакун средствами второго языка выступает как главный мотиватор заимствований. Так, пронумерованные съезды с магистралей в Америке делают слово *экзит* незаменимым для русскоговорящих вне зависимости от их предыдущего опыта. *Апойнтмент* 'назначенный прием' также не имеет однословного эквивалента в русском. Указывается, что в английском данное слово носит оттенок социального престижа [15], однако, на наш взгляд, данное заимствование в речи билингов прежде всего заполняет номинативную лакуну.

Русскоязычные иммигранты, не имевшие опыта вождения до приезда в США, дополняют свою языковую картину мира, полагаясь исключительно на английские термины, и поэтому даже языковым пуристам требуется дополнительное усилие, чтобы найти эквиваленты понятиям *тикет* 'штраф', *виндшилд* 'лобовое стекло', *дипстик* 'щуп', *спэр* 'запасное колесо', и т.д. Вайнрайх указывал на социологическую природу данной интерференции: общепринятые слова из родной культуры вытесняются в результате того, что билингов воспринимают данное конкретное понятие исключительно в терминах контактной культуры [16]. Однако, если в вышеприведенных случаях недостаток опыта в данной конкретной области вынуждал билингов делать заимствования, то случаи *врач осмотрел энкл* 'колени' и *шоулдер* 'плечо', *у меня было кэвити* 'дырка в зубе' и *дантист*

сделал *филлинг* 'пломба' демонстрируют, что в контактных сферах даже лексикон, связанный с телом человека, подвержен замещению. С когнитивной точки зрения данная сфера должна быть наиболее устойчива к изменениям, однако утрата именно этой группы лексики также подтверждается исследованиями языка американских индейцев [17]. Таким образом, при переходе из сферы семейного в сферу профессионального общения английские слова приобретают терминологическое качество и вытесняют русские. Сходный процесс вытеснения можно наблюдать на примере заимствованной научной терминологии, чем грешат даже языковеды.

В некоторых случаях возникает необходимость семантической дифференциации понятий родной и контактной культуры: привычный *грузовик* отличается от *пикап трак* (как правило, просто *трак*), пригодного как для легких перевозок, так и для семейных поездок, традиционный *ковер* не то же, что *карпит* покрывающий пол от стены до стены. Негативная коннотация слова *подвал* отсутствует в *бейсменте*, пригодном для жилья. Несмотря на существующие разногласия относительно трактовки и употребления слова *траффик* в эмигрантской среде [15, 18], данное слово можно считать образцом семантического сужения. *Траффик* используется русскоязычными для обозначения медленного автомобильного движения вплоть до пробки, хотя в английском данное понятие означает просто «движение» и, как правило, сопровождается качественным прилагательным. Это служит еще одним подтверждением того, что существительные заимствуются значительно легче, чем прилагательные и тем более глаголы. Фраза *я нашел хороший дил* (скидка на товар в магазине) используется довольно часто, а *я нашел гуд дил* - практически никогда. При этом заимствование дискурсивных слов характерно для всех категорий билингвов, в результате чего наречия *гуд* (*good*) и *найс* (*nice*) широко используются при одобрительной оценке явлений и событий. Зарегистрированы отдельные случаи заимствования несклоняемых прилагательных *секси* 'привлекательный', *спорти* 'спортивный', *месси* 'беспорядочный', а также наречий *аутсайд* 'на улице', *апстерз* 'наверху', *клауди* 'облачно'. Фразы *он просто крейзи* 'ненормальный' и *она будет эксайтед* 'радостно взволнована' включают субстантивированные прилагательные, не использующиеся в своей прямой функции (ср. **он крейзи человек*).

Интересно, что престижные заимствования чаще встречаются в речи старшего поколения, слабее владеющего английским, чем в речи НЛ. В то же время, для последних более характерно калькирование на грамматическом уровне. Случаи смешения представлены образованиями типа *двухбедрумный* (от *bedroom* 'спальня') и *флэш-память* (от *flash* 'вспышка') Глагольные образования *драйвать* (от *to drive* 'водить машину'), *сейвать* (от *to save* 'сохранять'), наряду с синтаксическими кальками *брать русский язык*, *иметь ребенка*, можно рассматривать как первый этап пиджинизации. Сюда же, по-видимому, следует отнести окказионализмы, типа *турка* (искаженное *turkey* 'индюшка'), понятные только в пределах данного социума.

С другой стороны, именно смешанное словообразование вызывает наибольший интерес у любителей языковой игры, и НЛ здесь не исключение. В то время, как по обе стороны океана английские заимствования легко проникают в русский язык в контактных областях, будь то поп-культура, бизнес, или информационные технологии, креативная функция и социальный престиж доминируют над литературой и Интернетом. Таким образом, ни искаженные англицизмы (*Манагер жжот* Андрея Колышевского), ни окказиональные смешения, типа *Духless* и *The Телки* Сергея Минаева, или *Любофф/on* Оксаны Робски не следует рассматривать, как признаки прогрессирующей пиджинизации. Подобные примеры, как и нарочито искаженное написание русских слов в некогда популярном в сети *албанцком языке*, свидетельствуют скорее об осознанности правил родного языка, чем о языковом сдвиге. Существует ряд исследований языковой

креативности у детей билингвов [19], однако у НЛ на университетском уровне примеры аффиксации редки, и фраза *я пушнул ему юзаную кару* 'я толкнул ему подержанный автомобиль' (*I pushed him a used car*) нацелена прежде всего на создание комического эффекта. Более того, как и все американские студенты, НЛ с трудом распознают заимствованные из английского корни. Таким образом, использование *постить* 'to post', *апгрейднуть* 'to upgrade', или *забанить* 'to ban' не сильно облегчает жизнь учащихся.

Переходя к экстралингвистическим параметрам языкового сдвига, следует еще раз подчеркнуть, что начиная с первых исследований американского русского [20, 21], авторы отмечают неоднородность русскоязычного населения Америки, даже в период тотального государственного контроля и стандартизации формального общения в СССР. Фактически только период 1970-90 отличался относительной однородностью с явным доминированием южного, а конкретнее - одесского варианта русского языка. С постепенным уходом русско-советских стандартов и расширением иммиграционной географии языковое варьирование становится все более заметным. Когда мой друг, уехавший в США по еврейской линии, говорит, что соседи по Брайтон Бич называют его украинцем из-за вкраплений в речи, а его сын под влиянием школьных друзей стал звучать, как выходец с Кавказа, начинаешь понимать, что традиционное деление на этносы здесь оказывается очень условным.

Отсюда - проблема стандартного русского в преподавании НЛ: студенты должны осознавать, что не только их собственный язык, но даже язык их родителей может значительно отличаться от стандартного. Эти нестандартные особенности могут негативно повлиять на общение, особенно на таком языке, как русский, где стандарт по-прежнему пользуется большим престижем. Традиционно, университетские курсы по русскому строились вокруг поездки в Россию, что на современном этапе, как правило, не входит в число приоритетов НЛ. Более того, сейчас при желании можно воссоздать практически полноценное и разностороннее общение на русском, не выезжая из Нью Йорка: помимо Интернета и кабельного телевидения, возможно бытовое общение в русскоязычных районах, любой государственный документ доступен в русском переводе, не говоря уже о интерфейсах банкоматов, кассах метро, аптеках, и т.д. Эти практически идеальные условия для изучения иностранного языка слабо влияют на НЛ, поддерживающих свой русский исключительно в семейном кругу.

В то же время, под влиянием Брэджа Качру и его теории концентрических кругов мирового английского, исследователи пытаются критически переосмыслить само понятие *родной язык*, в том числе и по отношению к русскому языку [22]. Если попытаться представить НЛ виде спектра, то на одном его конце находятся студенты, родители которых приехали из западно- и южнославянских стран, и чья связь с русским языком ограничена узнаванием отдельных лексических и морфологических единиц. Полински и Каган считают, что таких студентов нельзя признать НЛ, поскольку для них первым усвоенным языком был не русский [23]. Это пограничная категория, однако таких студентов немало, и «славянская связь» должна приниматься во внимание. Тем более, что в таком случае придется исключить и выходцев из Украины, и в целом выходцев со всего пост-советского пространства, многие из которых не получили формального образования по русскому языку. С точки зрения преподавания важно то, что несмотря на уровень владения языком и региональное варьирование, все НЛ имеют психологическое преимущество - некую внутреннюю связь с русским языком, «квант русскости». Семейное влияние может с лихвой компенсировать отсутствие формального образования, независимо от места рождения и формально «родного» языка. Как подчёркивают исследователи, «материнский язык — не обязательно родной, родной язык — не обязательно первый» [24].

На противоположном конце спектра находятся носители акролекта, свободно владеющие литературным русским, как правило, посещавшие школу или курсы для русских детей в местах компактного проживания диаспоры. В целом, формальное обучение языку и регулярные, пусть даже и вынужденные, поездки в страну родителей остаются залогом поддержания языка у детей иммигрантов.

С точки зрения университетского преподавания, мотивация данной группы становится решающим фактором: многие НЛ стремятся не улучшить свое знание русского, а попасть в группу элементарного уровня, чтобы обеспечить себе отличные оценки без лишних хлопот. Не все вузы в состоянии обеспечить формирование специальных групп, которые бы соответствовали целям и задачам данной категории студентов. Это создает ряд педагогических и административных сложностей, многократно обсуждавшихся на педагогических форумах и конференциях.

В условиях университетского образования во многом нейтрализуется такой важный фактор, как поколенческий разрыв, поскольку все субъекты примерно одного возраста. Возрастной континуум компетенции, как правило, демонстрирует прямую зависимость между возрастом индивида и его языковой компетенцией: чем старше представитель такого сообщества, тем больше вероятность, что он хорошо владеет исчезающим языком; чем младше, тем более вероятно, что его компетенции функционально ограничены. Если в естественных условиях диаспоры ограниченное владение исчезающим языком побуждает молодых людей не использовать его в разговорах со старшими, которые могут упрекнуть или даже высмеивать их за ошибки, что ведет к уменьшению функциональной нагрузки языка. В университетской аудитории преподаватель, вне зависимости от возраста, выполняет сходную роль, выступая в качестве стандарта компетенции: поэтому создание здоровой динамики в аудитории, при которой коррекция речи и изучение основ грамматики не входят в конфликт с креативным подходом к использованию языка, становится приоритетной задачей преподавателя.

Интересно, что в условиях вынужденного дистанционного обучения во время пандемии, большинство НЛ было вынуждено вернуться домой и снова “попасть под языковой гнет” старшего поколения. С одной стороны, живое участие старших увеличивает разнообразие используемых форм, с другой - не позволяет сфокусироваться на темах, отрабатываемых во время занятий, что ведет к фоссилизации ошибочных форм.

В отношении социо-экономического параметра языкового сдвига прежде всего следует обратиться к двум распространенным заблуждениям. Во-первых, было бы преувеличением утверждать, что социально-экономические факторы напрямую влияют на поддержание билингвизма, и во-вторых, что студенты колледжей однобоко представляют лишь более обеспеченные слои общества. За время преподавания в США мне довелось непосредственно наблюдать не только за студентами такого дорогого частного университета, как Хофстра, но и более доступных учебных заведений, таких, как государственный университет штата Нью Йорк в Стони Брук, четырехгодичный Куинс-Колледж Нью-Йоркского университета, и двухгодичный общинный колледж округа Нассо, все - в непосредственной близости от Нью Йорка. Соответственно, среди НЛ можно было встретить как выходцев из верхних слоев среднего класса, так и тех, кто попадает под определение малоимущих. При этом прямой зависимости от уровня дохода семьи и уровня поддержания билингвизма не наблюдалось. С одной стороны, семьи с более высоким уровнем дохода обладают более высоким образовательным уровнем, что означает осознанное поддержание языка семейного наследия. С другой стороны, более образованный сегмент русскоязычной коммуны, как правило, лучше интегрирован в американское общество, что неизбежно ведет к расширению функций английского.

Несмотря на обилие прогнозов, вмешательство пандемии в образовательную сферу, при всей своей ошутимости, не позволяет сделать однозначную интерпретацию. Так, по мнению Принстонского Обзора и вашингтонского Фонда Сбережений на Колледж [25], ухудшившаяся экономическая ситуация заставит молодых людей идти в государственные или двухгодичные общинные колледжи. Однако, непосредственный опыт демонстрирует противоположную тенденцию. И Куинс-колледж, и колледж округа Нассо в 2021 рапортовали значительный отток студентов, в случае последнего - до 60%. В тоже время, частный университет Хофстра, где только обучение стоит более пятидесяти тысяч долларов в год, отметил увеличение числа поступающих студентов. Единственным логичным объяснением может служить то, что выходцы из менее обеспеченных семей вынуждены отложить планы на образование и идти зарабатывать деньги. При этом нельзя сказать, что данная ситуация каким-то образом изменила соотношение НЛ и общего числа студентов.

Заключение

Говоря о будущем рынка труда и кризисе последних лет, американский миллиардер-предприниматель и инвестор Марк Кубан в своем интервью финансовому телеканалу Блумберг заметил, что студенты гуманитарных специальностей имеют больше шансов адаптироваться к флюидной, постоянно меняющейся ситуации, поскольку обладают более широкой перспективой, в отличие от финансистов или инженеров, все больше превращающихся в обслуживающий персонал баз данных [26]. Его заявление вызывает шок на фоне тенденций, которые можно наблюдать в университетской среде в последние десятилетия. Число изучающих иностранные языки неуклонно падает, а выбор подавляющего большинства студентов - испанский не производит никакого впечатления на работодателей. Конечно, в стране, где примерно 13% населения были рождены в других странах, легче найти специалиста по иностранному языку, и начавшим изучать русский с нуля трудно соревноваться с теми, кто вырос в условия билингвализма. Также стоит оставить иллюзии по поводу того, что мировая значимость русской классики по-прежнему привлекает молодых людей к изучению русского языка. Русский в США замыкает десятку иностранных языков, вместе с греческим и латынью. В то же время, японский и корейский отмечают значительный приток студентов, японский - благодаря аниме и манга, а корейский - благодаря телесериалам и бой-бэндам. Но в то время, как большая часть неопределившихся студентов будет и дальше следовать за современными трендами поп-культуры, НЛ остаются верны своему наследию и обеспечивают пусть не самый высокий, но стабильный набор студентов на курсы русского языка. Без былого принуждения и имперского подхода, русский язык остается языком межнационального общения как для славянских народов, так и для народов с пост-советского пространства, и выработка специальных методик преподавания, ориентированных на НЛ в условиях зарубежья, должна входить в число приоритетов для педагогов и исследователей.

References:

1. https://www.wikiwand.com/en/Russian_Americans#/overview (accessed January 20, 2022)
2. Pustovoit, I. Rol' russkogo yazyka v formirovanii sodruzhestva nezavisimyykh emigrantov [The Role of the Russian Language in the Formation of the Commonwealth of Independent Emigrants]. // A. Derevyanko (ed.) *Russkii yazyk v stranakh SNG i Baltii* [Russian language in the countries of CIS and Baltic states]. M.: Nauka, 2007: P. 221-9. (In Russ.)
3. Pustovoit, I. Na perekryostke dvux mirovykh yazykov: russkie v SShA [At the Intersection of Two World Languages: Russians in the USA]. // A. Rudiakov (ed.) *Georusistika. Vyzovy XXI*

- veka. [Georussistics. Challenges of the XXI Century]. Simferopol: Antikva, 2011: P. 95-105. (In Russ.)
4. Crystal D. Language death. Cambridge: Cambridge UP, 2014.
  5. Mikhal'chenko, V. (ed.) Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Glossary of Sociolinguistic terms]. M.: RAN, 2006. (In Russ.)
  6. Campbell L., Muntzel M. The structural consequences of language death // Dorian N. C. (ed.). Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death. Cambridge: Cambridge UP. 1989: P. 181 -196.
  7. Polian A. Ivrit III-XIX vv. kak "spiashchii" iazyk [Hebrew of the III-XIX Centuries as a "Sleeping" Language] // Voprosy Iazykoznaniiia [Issues in Linguistics]. 5, 2014: P. 67-76. (In Russ.)
  8. Krauss, M. The World's Languages in Crisis. Language, 68, 1992: P. 4-10
  9. Crystal D. Language death. Cambridge: Cambridge UP, 2000.
  10. Valdés, G. 2000. The teaching of heritage languages: an introduction for Slavic-teaching professionals. // O. Kagan and B. Rifkin (eds.) The learning and teaching of Slavic languages and cultures, Indiana University: Slavica, 2000: P. 375–403.
  11. Kagan, O. Akishina, T., Robin. R. Russkii dlia russkikh [Russian for Russians]. Indiana University: Slavica, 2002.
  12. Dubinina, I., O. Kisselev Rodnaya Rech': An Introductory Course for Heritage Learners of Russian. Georgetown UP, 2019.
  13. Zemskaia E. Yazyk russkogo zarubezh'ia: itogi i perspektivy issledovaniia [Russian Language Abroad: Results and Perspectives of Research]. // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language in Scientific Light]. 1, 2001: P. 114-131. (In Russ.)
  14. Rakhilina, E., Vyrenkova, A., Polinsky, M. Linguistic creativity in heritage speakers. // Glossa: a Journal of General Linguistics. 1(1), 2016: P. 1–29.
  15. Andrews, D. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet immigrants in the United States. Georgetown: John Benjamins, 1999.
  16. Weinreich, U. Languages in contact, findings and problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.
  17. Mithun, M. The Incipient Obsolescence of polysynthesis: Cayuga in Ontario and Oklahoma. // N. Dorian (ed.) Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death. Cambridge: Cambridge UP, 1989: P. 243-58.
  18. Polinski, M. Russian in the U.S: An Endangered Language. // Romaine S., P. Trudgill (eds.) Russian in Contact with Other Languages. Oxford: Oxford UP, 1994.
  19. Ferguson, Charles A. and Dan Isaak Slobin (eds.) 1973. *Studies of Child Language development*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
  20. Benson, M. American-Russian speech. // American Speech XXXV (3), 1960: P. 163-174
  21. Olmsted, H. American Interference in the Russian Language of the Third-wave Emigration: Preliminary Notes. // Folia Slavica 8 (1986): 91-127.
  22. Slavkov, N. et al. (eds.) The Changing Face of the "Native Speaker": Perspectives from Multilingualism and Globalization. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021.
  23. Polinsky M, Kagan O. Heritage Languages: in the "Wild" and in the Classroom. // Language and Linguistics Compass. 2007: 1 (5). P. 368–395.
  24. Vakhtin, N., Golovko, E. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazykov [Sociolinguistics and Sociology of Languages. St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2004. (In Russ.)
  25. <https://www.cnn.com/2020/04/22/students-consider-starting-out-at-community-college-amid-coronavirus.html> (accessed January 20, 2022)
  26. <https://www.youtube.com/watch?v=cvc6wQt0s7k> (accessed January 20, 2022)

Information about the author:

Pustovoit Igor V. (Hempstead, NY, USA) - Doctor of Arts, Professor of Russian Language and Literature at the Department of Comparative Literature, Languages, and Linguistics of Hofstra University. Spent twelve years at Kiev University prior to coming to the US in 1992. Research interests include cognitive linguistics, metaphor, formality, vagueness, linguistic identity, linguistic imperialism, as well as foreign-language methodology, and Russian as a foreign language.

E-mail: Igor.V.Pustovoit@hofstra.edu

Acknowledgements:

The author is grateful to the reviewers Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, Armenia

Contribution of the author: *The work is solely that of the author.*